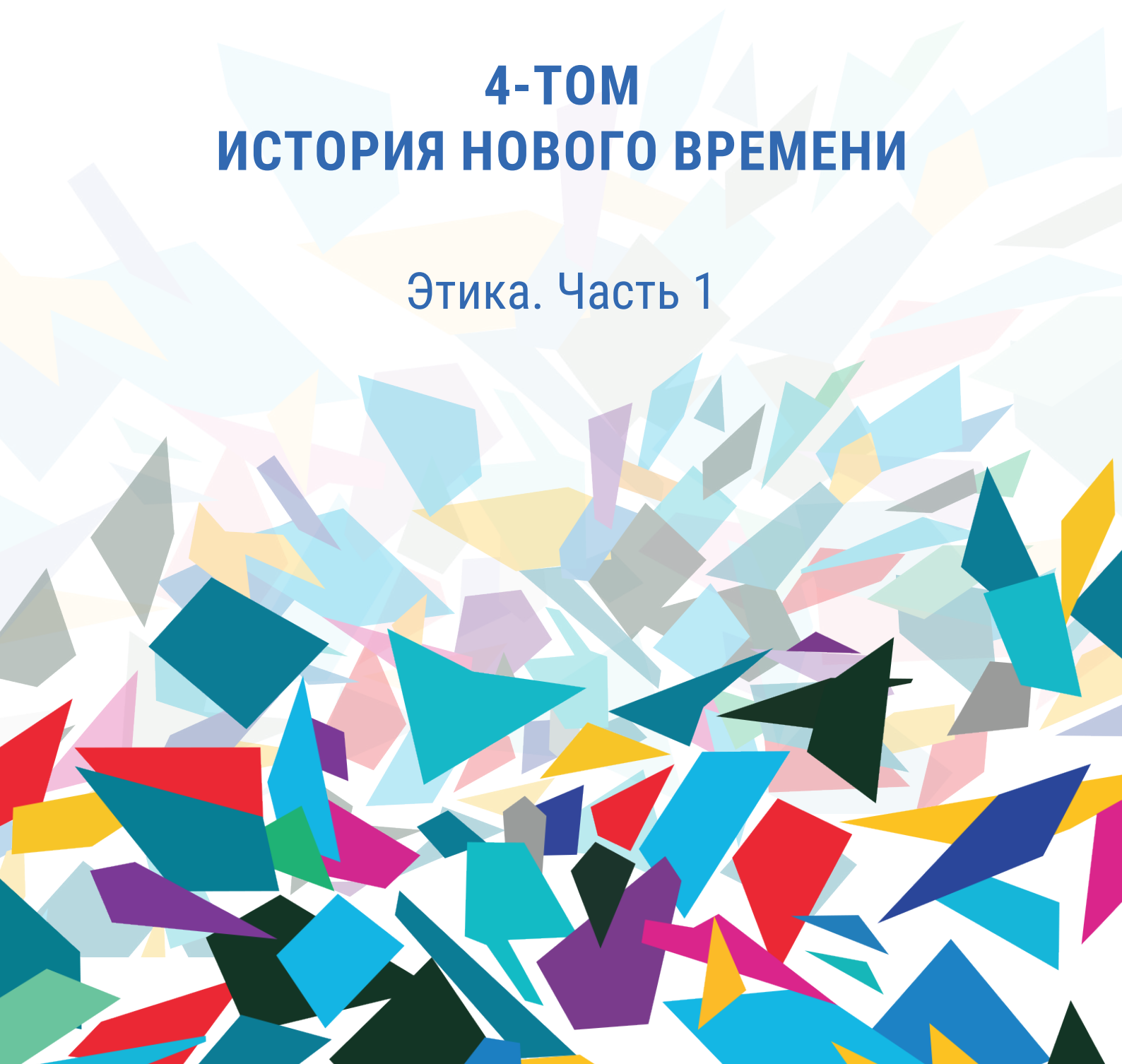

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Этика. Часть 1

Предыдущие лекции мы с вами посвятили идеям и персоналиям. Это был очень беглый, фрагментарный обзор выдающихся философов XIX и XX веков. Следующие четыре лекции будут посвящены основным философским темам: проблеме нравственности, теме искусства и теме теологии. Начнем с этики.

Первый вопрос в этической проблематике философии состоит в том, что мы с вами должны каким-то образом отличать мораль от нравственности. Ответ на него ещё до современной философии, дал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Он говорил, что мораль – это область нашего сознания, а нравственность – это область поступка. Можно быть моральным, говорить абсолютно правильные вещи о том, что такое хорошо и что такое плохо, и быть при этом совершенно безнравственным. А можно идти вопреки морали, критиковать традиционные устои, обычаи и традиции, которые может быть уже отжили свое, но при этом в области поступка оставаться нравственным. Есть золотое правило нравственности, которое сформулировал когда-то Конфуций. Оно звучит в двух формах – в виде побуждения и в виде табу. «Относись к другому так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе». И «Не делай другому того, чего ты не желаешь себе». Это две формы одного и того же.

Иммануил Кант, ещё один представителя немецкой классической философии, предтечи современной философии вывел знаменитый категорический императив. Одна из его формулировок звучит так: «Никогда не нужно использовать другого человека как средство, потому что другой человек – это всегда цель. Относись к другому человеку как к цели, а не как к средству». На мой взгляд, в связи с этической проблематикой очень важно понять то, что составляет саму внутреннюю суть нравственности. Как понять и объяснить, что человек является нравственным? Здесь есть лаконичная формулировка: «В основе нравственности лежит беспричинная мотивация». Мы не можем объяснить причину, почему мы совершаем добро. Когда вы спрашиваете человека: «Почему ты совершил хороший поступок?», он отвечает: «Просто по совести, потому что я человек». При этом он никогда не находит какую-то рациональную прагматическую формулировку. В основе истинно нравственных явлений лежит беспричинная мотивация. Нами движет нечто человеческое, но мы не можем дать этому строгое рациональное объяснение.

Конечно же, в истории философии, причем не только в XIX и XX веках, существовали учения, которые были посвящены самой главной этической теме – счастью. Есть даже понятие «эвдемонизм». Это философия счастья. Рядом с этим понятием идёт гедонизм – философия удовольствия. Счастье и удовольствие немного разные вещи. Вспомните Джереми Бентама и Джона Стюарта Милля, которые говорили о том, что счастье – это великое благо. Они видели в этом критерии деятельности государства и политики. Всё это шло от Аристотеля. На этой теме, теме счастья, всегда спекулировали идеология и политика. Это была популистская тема. Тот же знаменитый девиз, который был помещен на воротах лагеря в Соловках во времена сталинизма, выражал совершенно чудовищную вещь – «Мы загоним железной рукой человечество в счастье». Позвольте, я никак не буду комментировать этот лозунг, потому что он противоречит всем понятиям человеческого. Можно опять же вспомнить Канта, который говорил о том, что счастье – это не высшая ценность для человека. То есть тут немножко другой взгляд. Кто-то подчеркивает, что это высшее благо, а Кант говорит, что долг выше счастья. Кант, вообще, очень оригинальный мыслитель. Сравнивая уважение и любовь, он отдаёт предпочтение именно уважению. Говорит, у человека есть два желания – чтобы его любили и уважали. «Какой из них выше и значительней для меня? Конечно, потребность в уважении. Почему? Потому что это зависит только от меня. И моя личность заслуживает того, чтобы ее уважали. А любовь от меня не зависит. Другой человек может любить меня, может меня разлюбить. Но со мной это никак не может быть связано». Именно поэтому Кант ставит уважение выше любви, также как он выше счастья ставит долг.

Дело в том, что очень часто человек путает удовольствие и радость, тем более удовольствие и счастье. И часто вместо радости, то что можно было бы назвать радостью, называет удовольствием. С чем это связано? С тем, что у нас есть две потребности – это потребности души и потребности тела. Радость – это состояние души, а удовольствие – это состояние тела. Тело всегда эгоистично, оно стремится получать удовольствие. Душа же всегда альтруистична, она стремится отдавать, и мы испытываем радость от того, что у нас получается сделать

счастливым кого-то.

Здесь можно вспомнить очень интересное различие типов счастья, которые приводит религиозный французский мыслитель Пьер Тейяр Де Шарден. Он говорит, что есть три типа счастья. Представим себе людей, которые идут в горы. Пройдя через несколько часов половину пути, они останавливаются на стоянке. Вершина еще впереди, но они уже преодолели часть запланированной дороги. В этот момент, говорит Шарден, можно видеть разделение этих людей на три группы. Первая группа – это те, кого называют усталые. Они говорят: «Зачем мы вообще сюда пришли? Как замечательно было дома, можно было лежать и ничего не делать. Мы шли, это отняло столько силы, но радости никакой». Для этих людей счастье – это счастье покоя.

Вторая группа – это те, кого он называет бонвиваны. Этот термин обозначает гедонистов, получающих удовольствие. Они говорят: «Смотрите, как здесь здорово! Зеленая полянка, сейчас мы сделаем здесь шашлык. Ручеек бежит, солнышко светит. Давайте здесь и сейчас получать это удовольствие». В данном случае мы наблюдаем счастье удовольствия.

И есть лишь незначительная часть людей, которых Шарден называет пламенные. Они стремятся идти наверх к вершине. Это счастье роста. Они счастливы короткие моменты своей жизни, когда достигают поставленной цели.

Можно ли эти три формы соединить в одном человеке? Безусловно. И тогда каждый из вас в какие-то моменты своей жизни будет счастлив от того, что его все оставили в покое, от удовольствия, от преодоления себя.

Очень интересный вопрос о том, что является источниками той противоположности, которая называется страдание. Ведь ни для кого ни секрет, что счастье и страдание идут вместе. Невозможно быть счастливым, не научившись страдать. Нельзя понять меру счастья, если ты не прошел через испытание страданием. И здесь опять же из тех мыслителей, о которых мы с вами говорили, можно вспомнить Зигмунда Фрейда. Он говорит о трех источниках нашего страдания. Это научная классификация. Философ утверждает, что страдание угрожает нам с трёх точек. Первая – это внешний мир, который может причинять нам страдания. Мы страдаем от холода, стихийных бедствий. Защитой от этого страдания является техника. Второй источник страдания – это наше собственное тело, которое может болеть. Защита от этого страдания интоксикация. Мы принимаем таблетку, и голова перестает болеть. Но самый коварный источник страданий – это другой человек. Помните, как у Сартра: «Ад – это другие». Абсолютная защита от этого страдания – это аскетизм.

В чём состоит мера счастья? Можно ли измерить счастье? Я знаю, что есть индекс счастливой планеты, и есть страны, которые соответствуют этим критериям счастья. Хорошая экология, долгая продолжительность жизни и внутренняя удовлетворенность жизнью. Многие философы пытались найти формулу счастья, измерить счастье. У кого-то это получалось, а кто-то оставлял это на разумение своих читателей и слушателей. Мы с вами говорили о Шопенгауэре.

О том, что вся его философия пронизана пессимизмом. О том, что он говорит о самоубийстве, которое по сути дела не отменяет воли к жизни, а является, как он пишет, «мотивировано скрытым желанием жить». Но это не решает проблему квиетизма воли, потому что главный его пафос направлен против того, чтобы уменьшить страдания. Как говорил Будда, а Шопенгауэр, как мы помним, это европейский вариант буддизма, причина страдания – наше желание. Хотите не страдать, нужно что-то делать со своим желанием. Нужно отказываться от него. Полное отсутствие желания – это то, что в буддизме называется нирваной. Но даже если вы не принимаете пессимизм шопенгауэрского учения, важно знать, что он у Шопенгауэра связывал счастье с уменьшением эгоизма. Сегодня в мире существует так называемый совет мудрецов, куда входят люди разных конфессий, разных сфер культуры, они собираются вместе и решают какие-то глобальные проблемы. Все они сходятся на том, что проблемы современного мира – экономические, экологические, проблемы бесконечных противоречий и войн – все это связано с нашим эгоизмом, желанием обладать, жадной властью, о которой говорил Ницше.

Биологически человек очень интересно устроен. Всё, что делает наш организм, он делает по принципу альтруизма. В нем миллиарды, триллионы клеток, и каждая работает для другой, на отдачу. Каждый день в организме человека вырабатывается примерно 60 раковых клеток.

В чем суть раковой клетки? В том, что она эгоистично завоевывает что-то и пожирает другое. Почему не случается онкология? И я вам искренне желаю, чтобы ее никогда не было ни у вас, ни у ваших близких. Но почему это происходит? Это банальный сбой иммунитета. Когда у нас понижается иммунитет (а причин на это очень много – от физической травмы до радиации), тогда эти клетки получают свободу и захватывают какой-то орган. Но суть в том, что организм устроен альтруистично, он уничтожает эгоизм буквально на уровне органики.

Что такое любовь с химической точки зрения? О любви говорит искусство. О любви говорит религия. Лучше, чем сказал Апостол Павел, об этом и не поведает: «Любовь – это то, что не перестает». Всё проходит – влюбленность, страсть, жизнь. Но мы продолжаем любить человека, даже когда его нет». Русский философ Владимир Соловьёв задается вопросом «В чём же смысл любви? И сам отвечает: «Смысл любви состоит в умалении эгоизма, в жертве эгоизма и обретении своей индивидуальности». Жертва эгоизма – это когда твое эгоистическое «Я» является подчиненным другому человеку. Другого смысла философия не придумала. Лишь спасение индивидуальности через жертву эгоизма. Ты обретаешь в любви свою индивидуальность, которую никогда не узнаешь без этой способности. Возможно, сегодня немного опоздало звучит эта фраза, что, когда человек влюбляется, он начинает писать стихи. Но ведь это правда. В человеке раскрываются способности, которых у него без этих чувств не было. На мой взгляд, это одна из тем, которая может быть даже более важна, чем тема счастья.

Если вы напишите слово счастье и проведете дефис от первой и до последней буквы, то увидите, что в центре этого слова есть слово «часть». Вот и лаконичный ответ на вопрос «Когда ты обретаешь счастье?». Тогда, когда ты чувствуешь себя частью целого, когда ты обретаешь гармонию с другим или другими. Человек, который чувствует себя частью такого целого, как семья, испытывает счастье. Когда он разрушает эту гармонию, он чувствует себя заброшенным, одиноким, забытым. Это целое может быть, чем угодно – не обязательно семьей, любым сообществом или делом, что делает человека счастливым.

Этика как философская дисциплина выработала две формулировки, два пути к счастью. Я часто говорю своим студентам: «Поднимите руку, кто не хочет быть счастливым?». Ни одна рука не поднимается. Все хотят быть счастливыми. Но в одном французском романе о главных героях была сказана интересная вещь: «Они были достаточно умны, чтобы не быть счастливыми. Потому что счастье – это остановка, это удовлетворенность тем, что у тебя есть». А человек всё-таки находится в постоянном режиме развития, самостановления, самоактуализации.

У любого человека возникает вопрос, есть ли какие-то пути, рецепты, алгоритмы чтобы стать счастливым? В универсальном виде этика говорит, что таких путей два. Первый путь – это сильное стремление к поставленной цели. То, что Шарден говорит о пламенных. Ты ставишь перед собой сложнодостижимую цель. Потому что простая цель больших усилий не требует. И когда ты достигаешь ее, ты обретаешь счастье. Второй путь, на котором можно обрести счастье, говорит этика, это способность сделать счастливым другого человека. Человек может не ставить перед собой цель, он может ее не достигать, и вообще жить достаточно скромно. Но у него есть способность, дар и талант сделать счастливым другого человека. И оттого, что будет счастливо тебе, как говорил один герой, ему тоже будет хорошо и счастливо.

Раз уж мы дошли до конкретных индикаторов и ингредиентов счастья, я бы хотел вспомнить Карла Юнга, последователя Фрейда, который кроме своих совершенно бесподобно глубоких идей об архетипах коллективного бессознательного, кроме деления мышления на восток и запад, говорит о так называемых базовых факторах счастья. Первый фактор счастья – это хорошее физическое и психическое здоровье. Действительно, когда нас что-то беспокоит, когда мы болеем – мы несчастливы. Второй фактор счастья – это хорошие личные и интимные отношения. Брак и дружба – очень сложные темы, в которых трудно обрести удовлетворенность. Третий фактор – способность воспринимать красоту в природе и искусстве. Это очень любопытно, что одним из индикаторов счастья по Юнгу является эстетическая потребность. И если мы не видим в природе, в жизни, в искусстве красивого, значит мы не можем быть полностью счастливы. Четвертый фактор – разумные стандарты жизни и удовлетворительная работа. С этим всё не так просто. Не каждая работа нас удовлетворяет, но у нас всегда есть возможность ее сменить. А что касается разумных стандартов – это отдельная тема для исследования. Вот скажите, что считать разумными потребностями? Где разумность заканчивается и начинается

полное безумие? Стоит над этим поразмышлять. И пятый фактор счастья – это философская или религиозная точка зрения, способная успешно справиться с превратностями жизни и с теми обстоятельствами, которые иногда сильнее, чем мы сами. Вопреки нашим желаниям рано или поздно происходят различные трагедии в жизни. Если у человека есть религиозная или философская опора, она помогает ему преодолеть трудности. На этом мы сегодня закончим тему, связанную с философской этикой и основными ее понятиями, понятиями счастья и любви.